

История формирования коллекции. Характеристика памятника

Впервые о ноин-улинских курганах стало известно после раскопок экспедиции известного путешественника и ученого П. К. Козлова в 1924—1926 гг. [Козлов, 2003]. История этих исследований подробно изложена Т. И. Юсуповой [Юсупова, 2011], а коллекция, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, доступна для обозрения и исследования. Данный каталог посвящен новой коллекции, которая была получена в ходе раскопок российско-монгольской экспедиции в 2006—2012 гг.

Благодаря исследованиям П. К. Козлова в распоряжении ученых оказался прекрасный археологический материал, открылись новые страницы истории хунну, но также осталось и много вопросов. Все курганы Ноин-Улы, кроме одного (№ 24), были раскопаны так называемым колодцем – узким шурфом. И хотя благодаря исследованиям С. А. Теплоухова [Теплоухов, 1925] конструкция погребений несколько прояснилась, хотелось более детально восстановить картину погребальной обрядности хунну на этом памятнике. Эта незавершенность исследований при большой известности и значении Ноин-Улы стала причиной того, что в 2005 г* было решено провести новые раскопки больших курганов на этом памятнике в соответствии с принятой в настоящее время методикой археологических исследований**.

Нами были выбраны три самых больших нетронутых археологами, но не грабителями, кургана в пади Суцзуктэ и один небольшой курган, расположенный в непосредственной близости от раскопанного в 1924 г. П. К. Козловым так называемого «Мокрого» кургана, давшего много интересного материала. Из трех ноин-улинских падей, в которых были расположены курганы хунну, мы выбрали для проведения раскопок именно Суцзуктэ, потому что в этом месте было легче всего организовать работу большого отряда.

20-й курган был раскопан в 2006 г., 31-й курган – в 2009 г., 11-й курган – в 2011 г. и 22-й – в 2012 г. (нумерация дана по плану П. К. Козлова). Раскопки длились от 3 месяцев до полугода и проводились вручную, поскольку при использовании землеройной техники была вероятность пропустить что-то важное, тем более что мы имели весьма приблизительное представление о наземной части погребального сооружения, так же как и о заполнении могильной ямы с неизбежными следами древнего грабежа. Тщательность раскопок была одной из главных составляющих нашего исследования. Выбранная методика полностью оправдала себя, позволив сделать много ценных наблюдений и получить уникальный археологический материал. Процесс работы, этапы исследования, отдельные находки *in situ*, детали внутримогильных сооружений и многое другое остались запечатленными в многочисленных фото- и видеоматериалах. По результатам исследований

**В мае 2005 г. совместно с монгольскими археологами мы провели разведку в горах Ноин-Улы. Необходимо было выбрать курган для будущих раскопок. Были изучены все три группы курганов, в которых проводила исследования экспедиция П. К. Козлова – в падах Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ. Следует отметить, что не только мы, но и монгольские археологи не знали месторасположения этих групп курганов. Они были «найжены» по дневниковым записям П. К. Козлова. Проще говоря, ко времени нашего приезда в Ноин-Улу курганы, как реально существующие археологические памятники, были забыты*

***Высокопрофессиональное исследование большого кургана хунну было проведено в Бурятии на Иволгинском могильнике еще в 1975 г. П. Б. Коноваловым. Хотя раскопки 54-го кургана прояснили устройство надмогильных и внутримогильных сооружений в больших курганах хунну и позволили автору сделать ценные наблюдения, касающиеся погребального обряда, многое по-прежнему оставалось неясным из-за полной разграбленности этого погребального комплекса. Полная публикация материалов 54-го кургана Иволгинского могильника появилась сравнительно недавно [Коновалов, 2008]*

опубликовано большое количество статей и две книги (библиографический список прилагается), снят документальный фильм «Возвращение в Суцзуктэ».

Прежде чем речь пойдет о находках из курганов, которым посвящен каталог, необходимо рассказать о самих погребальных памятниках знатных хунну, которые в последние десять лет активно изучаются археологами России, Монголии, Франции, Кореи и др. [Desroches, 2007; Миняев, 2009; Xiongnu tombs., 2009; Miller, 2009; Treasures of the xiongnu, 2011; Эрдэнэбаатар и др., 2015]. Эти сооружения впечатляют своими размерами и глубиной могил. Размеры прямоугольных наземных частей исследованных нами больших курганов, обозначенных на поверхности выкладками – стенами из больших камней, – 20×19 м, 18×21 м, 18×20 м и 15,5×13,5 м при длине дромоса 18,5 м; 17 м; 14,5 м; 5 м. Глубина могильных ям 20-го кургана – 18,35 м; 31-го кургана – 13 м; 22-го кургана – 16 м и 11-го кургана – 4,2 м. В заполнении глубоких могильных ям всегда присутствовала вода. Это были грунтовые воды, которые, с одной стороны, способствовали сохранности некоторых категорий предметов, таких как лаковая посуда, изделия из дерева, а с другой стороны, полностью разрушили многие из них, например, предметы из железа.

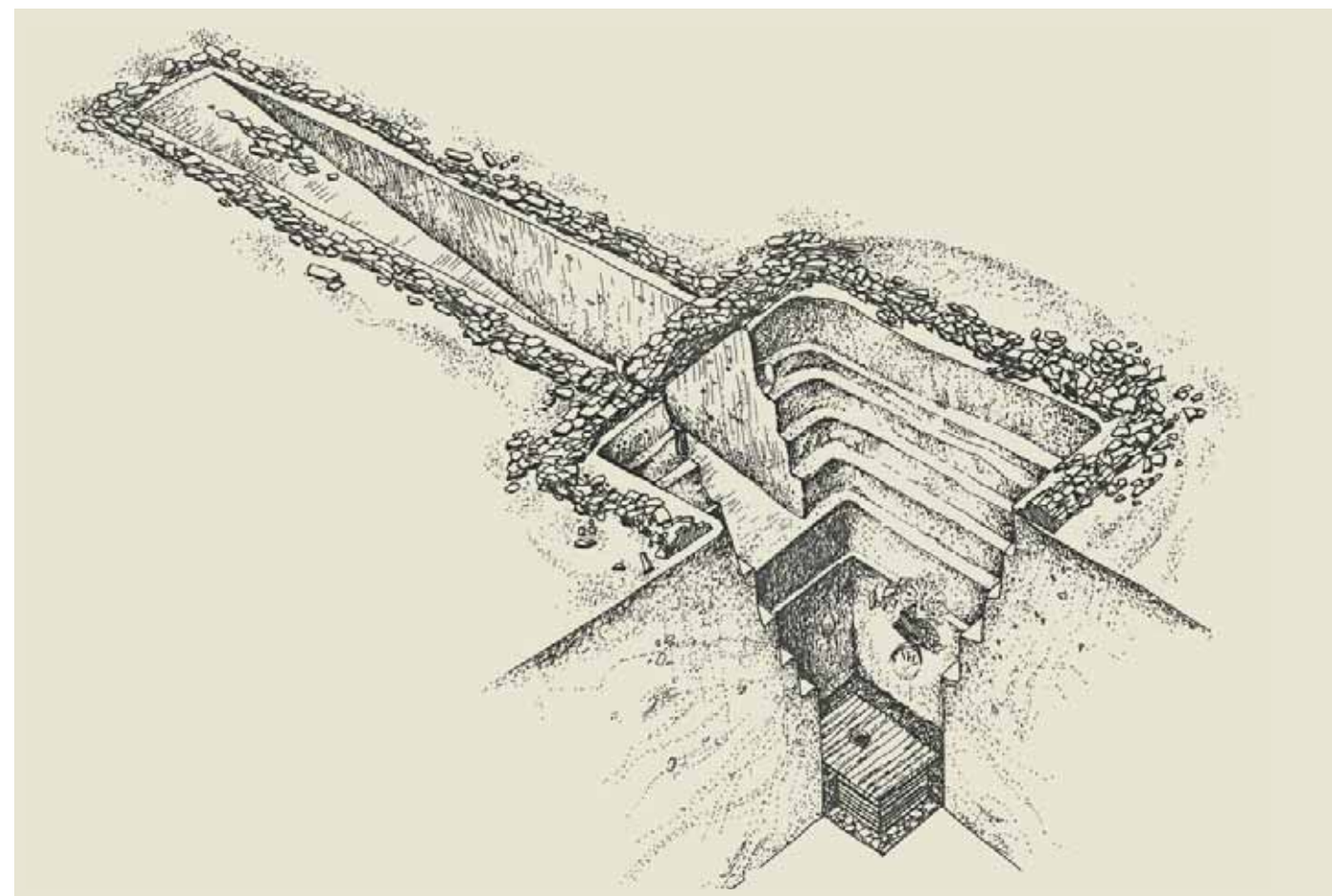
Деревянные погребальные камеры и гробы устанавливались на полу из толстых плах, которые, в свою очередь, укладывались на два четырехугольных бруса, ориентированных по линии С–Ю. Срубы были ориентированы по линии С–Ю с небольшими отклонениями. Размеры внешнего и внутреннего срубов в 20-м кургане – 4,8×3,2 м и 3,25×1,90 м; в 22-м кургане – 5,20×3,35 м и 3,1×2,15 м; в 31-м кургане – 5,5×3,5 м и 3,5×2,1 м. Погребальные камеры с потолком (перекрытием) и подпорками (колоннами с капителями), которые его поддерживали, были сделаны из соснового бруса. Между внутренней и внешней погребальными камерами проходили узкие коридоры, в которые помещались сопровождающие погребенного предметы. Нужно отметить, что эта информация была известна уже в результате раскопок экспедиции П. К. Козлова и нашла отражение в монографии С. И. Руденко [Руденко, 1962]. Наши работы, как и исследования других археологических экспедиций, подтвердили наблюдения и выводы, сделанные первооткрывателями. Несмотря на часто упоминаемое несовершенство методов, сотрудникам экспедиции П. К. Козлова удалось сделать невозможное, что подтверждает книга С. И. Руденко, написанная на основании дневников и материалов экспедиции. Этот труд до сих пор является непревзойденным базовым исследованием, посвященным археологии хунну. В то же время некоторые интересные детали погребальной обрядности остались незамеченными, поскольку выходили за пределы возможностей проводимых в начале прошлого века исследований.

В ходе раскопок вручную было установлено, что могильная яма в большом кургане хунну представляла собой довольно сложную конструкцию. Она вырывалась ступенями, как правило, их было пять. Каждая из ступеней была связана с перекрытием из камней. Каменные конструкции внутри могильных ям пересекали их не только горизонтально, но и вертикально, являясь своего рода каркасом, делившим пространство глубоких могил на отдельные отсеки, что позволяло плотно заполнить глубокие ямы утрамбованным грунтом,

вынутым при их выкапывании. Другой важной деталью, не отмеченной ранее, оказалось «запечатывание» деревянных погребальных камер в оболочку из серо-синей озерной глины и угля. Наличие и того, и другого отмечалось первыми исследователями курганов, но назначение глины и угля в могиле не находило объяснения. В результате последних раскопок ноин-улинских курганов стало понятным, что слои озерной глины и уголь должны были способствовать герметичности погребальных камер, надежно запечатывая их как от внешних воздействий, так и от действия нежелательных потусторонних сил. Эта традиция перешла в погребальный обряд знатных хунну от ханьцев, практиковавших такую защиту погребальных сооружений еще с эпохи Ранней Хань. Наиболее известным и удачным примером такой защиты служат погребения могильника Мавандуй [Изучение ханьских могил в Мавандуй..., 1981]. В ноин-улинских курганах наличие этой оболочки сыграло злую шутку, так как через несколько десятков лет после погребения она была нарушена грабежом [Слюсаренко, Мыглан, 2017, с. 304], а затем постепенно размывалась подземными водами, пока, наконец, мелкодисперсная глина не заполнила всю внутреннюю поверхность погребальных камер, просочившись сквозь щели деревянных стен и через нарушенные грабежом перекрытия. Это нанесло большой урон важной части погребального инвентаря – всем текстильным изделиям, которые в результате такого воздействия были вторично погребены под плотным слоем глины, буквально растворявшей ткань. Ее сохранность в погребениях, исследованных нашей экспедицией, не идет ни в какое сравнение с теми изделиями из шерсти и шелка, которые были обнаружены экспедицией П. К. Козлова. Текстиль из последних раскопок ноин-улинских курганов был спасен в основном благодаря работе реставраторов.

По наблюдениям, сделанным во время исследования ноин-улинских курганов, можно заключить, что все погребальные сооружения конструировались по одной схеме, и эта схема была ханьской. Разумеется, масштабы погребальных комплексов ханьской знати были несравнимо большими во всех отношениях. Но сама идея той части погребальной обрядности, которую нам удастся увидеть благодаря археологическим исследованиям, безусловно, была заимствована хунну. Причины этого явления неоднократно обсуждались [Miniaev, Elikhina, 2009; Brosseder, 2011; Полосымак, Богданов, 2013]. Надо отметить, что курганы такой конструкции, в которых хоронили не только высшую знать, но и более низкую по рангу прослойку хуннского населения (например, в могильнике Гуджартэ), укладываются в определенные хронологические рамки – это последние годы I в. до н. э. – первая четверть I в. н. э. И этот период, судя по письменным свидетельствам, не является периодом наибольшего могущества хунну, но приходится на середину пройденного рядом с Хань исторического пути.

Как показал дендрохронологический анализ погребальных конструкций хунну из ноин-улинских курганов, все исследованные погребальные комплексы были сооружены в довольно короткий промежуток времени – примерно в течение 30 лет. Причем самым ранним был шестой ноин-улинский курган, а самым поздним – 22 курган. Курган № 31 был сооружен через 16 лет после кургана № 6, а 20-й курган –

Реконструкция погребального сооружения. 20 Курган. Выполнена В. Ковторовым

через 26 лет. К сожалению, возможности установления календарных дат сооружения ноин-улинских курганов с помощью дендрохронологического анализа пока нет, по объективным причинам – из-за отсутствия соответствующих длительных древесно-кольцевых хронологий с близких территорий [Слюсаренко, Мыглан, 2017, с. 304–305]. Но понятно, что это вопрос времени.

Помимо ярко выраженных китайских традиций, в погребальных комплексах хунну проявляются черты, не свойственные ханьским погребениям. Так, в одном случае (в 20-м кургане) у северной стенки могильной ямы на уровне первого перекрытия были обнаружены черепа и кости конечностей лошадей, баранов, козлов – своеобразная имитация стада – черта, свойственная рядовым захоронениям хунну, повторившаяся в могиле высокопоставленного лица.

Погребальный обряд, набор погребальной утвари в хуннских погребениях демонстрируют особые отношения с восточным соседом. Гробы, лаковая и бронзовая посуда, нефритовые и золотые украшения, шелковые ткани, черепаховые шпильки, зеркала и прочие вещи – явные свидетельства того, что мы знаем из китайских хроник: император периодически одаривал шаньюев драгоценными вещами в количествах достаточных, чтобы они могли распределить подарки среди приближенных. Находясь рядом со столь значимым и богатым соседом, каким являлся ханьский Китай, кочевники имели все возможности, чтобы использовать его ресурсы. Нельзя отрицать влияния культуры Китая на кочевников,

но надо понимать, что оно не затрагивало основ жизни в Степи. Как известно, дороже всего обходятся вещи менее всего необходимые для жизни и выживания. В курганах хуннской знати мы сталкиваемся именно с этой категорией предметов. Это, прежде всего, престижные предметы – лакированная колесница, лаковая посуда, украшения и шелковые ткани самого высокого качества, а также одежда из нее. Нередко в погребениях находились лакированный гроб или гроб, задрапированный шелковыми тканями с золотыми украшениями. Китайским импортом не исчерпывается содержание могил хуннской знати. Шерстяные ткани и изделия из них имеют западное происхождение, так же как и некоторые предметы из драгоценных металлов. Ноин-улинские могилы хунну стоят особняком среди всех погребальных комплексов этой культуры. Они сохранили предметы из органических материалов, чем увеличили ценность этого памятника за счет разнообразия находок и появления неизвестных в других могильниках категорий вещей, таких как одежда, ковры, завесы, шелковые ткани. Состав вещей, обнаруженных в погребальных камерах, может многое рассказать о взаимоотношениях хунну с окружающим их миром.

Каталог открывают предметы, связанные с колесницами, обнаруженными в двух мужских погребениях в курганах № 20 и № 22. Благодаря раскопкам, проведенным вручную,

было установлено, что колесницы укладывались на последнем каменном перекрытии. С кузова снимались колеса, их плашня укладывали рядом. Колесницы не сохранились как целые изделия, так как древесина, из которой они были изготовлены, сильно деградировала. Но форма кузова, колес, зонт сохранились, благодаря тому, что деревянные части изделия были покрыты лаком. Это прочное покрытие и создает видимость целостности изделия и дает возможность для изучения и определения типа повозки. Было установлено, что в обоих погребениях находились двухколесные колесницы «яо чэ» с зонтами, которые были рассчитаны максимум на двух человек и запрягались одной или двумя лошадьми. Благодаря лаковому покрытию кузова, спиц колес и зонта они сохранили яркий красно-черный цвет. Зонты были украшены шелковыми лентами пурпурного цвета. Сохранилось довольно много металлических деталей колесниц. Они не столь роскошны, как подобные вещи, обнаруженные в ханьских могилах или в самом большом из раскопанных на сегодняшний день кургане хунну в могильнике Гол-Мод 2 [Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 117–122], из чего можно сделать вывод, что в ноин-улинские курганы были помещены довольно скромные, хотя и нарядные, повозки.

При изучении комплекса вещей из раскопанных нами ноин-улинских курганов надо учитывать тот факт, что лишь их малую часть мы застали *in situ*. В основном вещи, поврежденные временем и грабежом, лежали не на своих местах. Это замечание полностью относится к предметам, находившимся во внутренних погребальных камерах и в гробах. Только в коридорах можно было увидеть вещи на своих местах. И к этим счастливо оставшимся *in situ* вещам относятся украшения и детали конского снаряжения. Они составляют одну из самых ярких категорий находок в ноин-улинских курганах. Это медные псалии, бронзовые налобники и пронизи, украшавшие ремни, а также наборы серебряных фаларов, больших и малых. Фалары являются настоящими произведениями искусства – их украшают изображения реальных и фантастических животных. Там же, в коридорах, были обнаружены деревянные детали седел и многочисленные косы, которые, судя по их местоположению и исходя из наблюдений, сделанных в ходе исследования погребальных комплексов, являлись принадлежностью конской упряжи. Эта деталь украшения коня может быть как данью собствен-

ной «варварской» традиции, так и следованием некоторым ханьским «модным тенденциям». Так, на глиняной фигурке всадника, обнаруженной в пригороде Чанша, на коне изображено своеобразное украшение «фань-ин», представляющее собой фартук, крепившийся на груди лошади, на котором были плотно нашиты косички [Кожанов, 1984, с. 74].

Следующей категорией предметов, обнаруженных в коридорах, были лаковые чашечки. Посуда, как правило, располагалась в северной части погребения. Там же стояли глиняные сосуды, но не всегда. Так, в 22-м кургане их не оказалось. Лаковые чашечки – «эр бэй», очень популярной в ханьский период формы, в ряде случаев имели иероглифические надписи, прочтение которых позволило установить время, место их изготовления, имена мастеров, трудившихся над их созданием. На этих изделиях сохранилась целая коллекция хуннских тамг.

Что находилось непосредственно с погребенным, остается для нас загадкой, как некогда это было загадкой для пазырыкской культуры, пока не были обнаружены неразграбленные курганы. Все известные погребения знатных хунну разграблены. Но по тому, что осталось, можно составить некоторое представление о костюме погребенных. Они были облачены в одежды из шелка, шерсти и меха, богато украшенные вышивкой, золотыми изделиями и нефритом. В мужских погребениях можно предполагать наличие парадного дорогого оружия, которое, наряду с самим погребенным, было целью грабительских рейдов.

В каталоге даны все категории предметов, обнаруженных в курганах, но не вся коллекция целиком. Мелкие фрагменты или повторяющиеся вещи не были помещены в данную подборку. Текстиль, который является одной из самых многочисленных находок, показан только выборочно и в очень небольшом количестве, поскольку вся коллекция может быть размещена только в отдельном, посвященном ей каталоге из-за многочисленности образцов и их культурно-исторической значимости.

Вновь открытые и исследованные погребальные комплексы не только позволяют представить материальную культуру элиты хунну, но и увидеть воочию тот поток товаров, который циркулировал в этот период времени (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) по так называемому Шелковому пути, соединявшему цивилизации древности.

Литература

Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924 // «Научное наследие». – Т. 30. – СПб.: Наука, 2003. – 1037 с.

Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008. – 98 с.: ил.

Лю Юнхуа Древнекитайские колесницы и конская упряжь (снаряжение). – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2002. – 202 с. (кит.).

Мавандуй Хань му яньцзю Изучение ханьских могил в Мавандуй / Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981. – 418 с. (кит.).

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4 (56). – С. 102–118.

Руденко С. И. Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Слюсаренко И. Ю., Мыглан В. С. Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22–26 июня г., г. Новосибирск). – Новосибирск: «Издательство ИАЭТ СО РАН, 2017. – с. 297–303.

Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.

Цуй Даюн. Древние китайские колесницы и конское снаряжение // Каогу, 1997. – № 3. – С. 16–26 (кит.).

Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Огилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаян А. Балгасын тал дахь Гол Мод 2-ын хуннугийн язгууртны булшны судалга (исследование элитного хуннского кургана Гол Мод 2). – Уланбаатар: Мөнхийн Усэг, 2015. – 256 с. (монг.).

Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: «ИНФОЛИО», – 2011. – С. 9–51.

Brosseder U. Belt plaques as an indicator of the east-west relations in the Eurasian steppe at the turn of the millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – Vol. 5. – P. 349–424.

Desroches J.-P. The French Archaeological Mission in Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seoul: National Museum of Korea, 2007. – P. 190–202 (англ. и кор.).

Miller B. K., Baiarsaikhan Z., Tseveendorzh E., Kononov P. B., Logan J. Elite xiongnu burials at the periphery: tomb complexes at Takhiltyn Khotgor, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. – P. 301–313.

Miniaev S., Elikhina J. On the chronology of the Noyon uul barrows // The Silk Road. Autumn, 2009. – Vol. 7. – P. 21–35.

Treasures of the xiongnu. Culture of xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Catalog. – Ulaanbaatar, 2011. – 296 p.

Xiongnu tombs of Duurlig Nars. Catalog exhibition. – Seoul, National Museum of Korea, 2009. – 99 p. (монг.).

Начало работ. Лето, 2006 г. Курган 20

Первые находки – зонтик китайской колесницы. Художник В. Ефимов, участник экспедиции Е. Говорков. Осень, 2006 г. Курган 20